

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки русской культуры, 2005. 432 с.

Новая книга известного российского лингвиста, одного из ведущих специалистов – в числе прочего – по истории лингвистических учений (его учебник с таким названием выдержал несколько изданий, а одноименный курс знаком уже многим выпускам Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ и Института лингвистики РГГУ), посвящена теме, которой он достаточно давно занимается – текстам Валентина Николаевича Волошинова и Михаила Михайловича Бахтина на темы языкознания. В центре внимания находится знаменитая работа 1929 года “Марксизм и философия языка” (МФЯ), на титуле которой выставлено имя Волошинова (однако соавтором или даже единственным автором которой очень часто считается Бахтин), но разбираются также и другие сочинения этих авторов, в том числе более поздние работы Бахтина, из которых лингвистам лучше всего известна статья “Проблема речевых жанров”.

Книга интересна уже своей композицией. От работы о каком-либо тексте или группе текстов в обычном случае ожидаешь длительного “введения в проблематику”, изложения биографий авторов, рассказа о том, как они шли к своему *opus magnum*, и лишь затем разбора центрального текста. А в случае с МФЯ к этому перечню добавляется и вопрос об авторстве текстов, изданных под фамилией Волошинова (так называемого “волошиновского цикла”). Как известно, долгое время, со ссылкой в том числе и на слова самого Бахтина (впрочем, в верифицируемом корпусе бахтинских высказываний подобных прямых свидетельств нет) считалось, а некоторые полагают так и сейчас, что Волошинов просто “одолжил” свое имя Бахтину, сам же он ничего не писал, а единственным автором всего корпуса рассматриваемых текстов был Михаил Михайлович. Вместо этого работа сразу начинается – если не считать краткого предисловия – с прямого обращения к тексту МФЯ, к ключевым для работы понятиям “абстрактный объективизм” и

“индивидуалистический субъективизм”, к оценке историографической концепции работы, наконец, к месту работы в советском и мировом языкознании двадцатых годов. Самые общие данные об истории лингвистики, а также о биографии Бахтина предполагаются читателем известными, а то, что известно о В.Н. Волошинове (сейчас мы знаем об этом увлекшемся марксизмом мистике и музыковеле, друге Анастасии Цветаевой, не так мало, как в семидесятые годы, – когда нередко казалось, что такого человека вообще не было, и это всего лишь “карнавальная маска” Бахтина, – но по-прежнему не столь уж и много), рассказано далее по ходу повествования, особенно в разделе о написании МФЯ. Предыстория этой работы изложена во второй главе. Проблема авторства текстов вынесена в отдельный экскурс; Алпатов не считает ее принципиальной и предпочитает говорить о соавторстве спорных текстов (показательно, что в названии рецензируемой книги малоизвестное за пределами круга специалистов имя Волошинова идет перед именем вошедшего даже в массовую культуру Бахтина). Кстати, в тексте есть, кроме этого, еще три экскурса, отступления от основной линии повествования, где затрагиваются темы, важные для осмысления общего контекста работ Волошинова и Бахтина.

Такое решение (хотя оно, вероятно, может и вызвать некоторые затруднения для читателя-лингвиста, недостаточно знакомого с Бахтиным) кажется удачным. Дело как раз в том, что случай перед нами не вполне обычный. Бахтин считал себя прежде всего философом, а известен, по-видимому, прежде всего как литературовед; работы его круга затрагивают не только лингвистическую, но и литературоведческую и философскую проблематику. Об этих работах, и, в частности, о МФЯ, написано уже очень много (кстати, В.М. Алпатов свободно ориентируется и в такой специфической области гуманитарного знания, как бахтинистика, насчитывающей не одну сотню отече-

ственных и зарубежных публикаций), но анализ лингвистического содержания этих работ по-прежнему далек от полноты и нередко делается нелингвистами. Кроме того, историографическая концепция этой работы, противопоставление осуждаемого “абстрактного объективизма” (интереса к языку как оторванной от живой речи системе правил), с одной стороны, и защищаемого “индивидуалистического субъективизма” (интереса к функционированию языка в общении и в обществе, к идиолектам, индивидуальным “стилям”), с другой стороны – это “нерв” лингвистической деятельности круга Бахтина, ключевой для понимания не только одной работы МФЯ (это не значит, конечно, что концепция Бахтина по сравнению с 1920–1930-ми годами в поздний период его деятельности не менялась – а такое утверждение часто делается, и о подходе Алпатова к данной проблеме мы еще скажем). Так что прежде чем говорить о возникновении концепции, о ее философских предпосылках, об истории написания работы – действительно надо ввести эти ключевые понятия, а также показать, как сама книга МФЯ оценивает лингвистический и отчасти философский фон, на котором возникла.

В первой главе детально разбирается соотношение МФЯ с мировым и советским языкознанием того времени. Алпатов приходит к выводу, что эта работа была маргинальна для науки конца 1920-х годов (с. 60), причем маргиналами в советской лингвистике были и сами авторы. Они стояли ближе всего к немецкой школе Фосслера, тогда уже сходявшей со сцены; в то же время структурализм – основная мишень их критики – далеко не исчерпал в то время потенциал своего развития и завоевывал новые позиции. Школа Фосслера, которую структуралисты называли “теоретически убогой” (см. письмо Трубецкого Jakobsonу от 30 марта 1935 г.), не пользовалась поддержкой и относительно независимых лингвистов: поучительный пример – оценка Винокуром полемики Блумфилда и Шпитцера уже в 1940-е годы – разбирается в рецензируемой книге (с. 270–273).

Во второй главе рассматриваются подробно ранние работы, предшествовавшие МФЯ (работа “Слово в жизни и слово в поэзии”¹, а так-

же краткие указания на языковую проблематику в книге “Фрейдиизм”) и история написания МФЯ, о которой подробно будет сказано ниже. Третья глава касается лингвистической проблематики главной книги: это семиотические вопросы (о “знаке” и “сигнале”, об “идеологии”, или семантике), полемика со структурализмом, вопросы речевого взаимодействия и некоторые другие. Особо рассматривается изложенная в третьем разделе МФЯ теория синтаксиса и “чужой речи”, стоящая на грани лингвистики и литературоведения; с этого раздела книга начала писаться, и первоначально он был самодостаточным. Общий вывод исследователя – книга богата идеями, во многих областях семиотики и лингвистики у авторов был приоритет, но ей не хватает научной строгости и систематизации. Возможно, для творческой работы, стоящей у истоков будущей методической разработки ряда научных проблем, это и не большой недостаток (с. 186).

Четвертая глава посвящена марксизму в МФЯ. В конце жизни Бахтин, по некоторым данным, был склонен считать марксистскую проблематику в работах своего круга “неприятными добавлениями” и “скверными примесями”, вынужденными по условиям времени. Так же относились к ней и многие другие позднейшие читатели и почитатели Бахтина, явно или неявно отождествляя при этом марксизм с “общественной практикой в СССР в худших ее видах” (с. 208). Алпатов (вслед за рядом современных зарубежных исследователей проблемы “Круг Бахтина и марксизм”) показывает, что планы построения языкознания, связанного с марксизмом, в 1920-е годы еще не навязывались “сверху”, а шли от искреннего интереса ученых к этому общественно-политическому течению; более того, многие попытки построить неструктуралистскую теорию – в том числе и за рубежом – были тогда так или иначе связаны с учением Маркса. Именно в это время активно обсуждаются проблемы взаимоотношения языка и социума (что было особенно важно и для авторов МФЯ), а влиятельных социологических теорий, конкурировавших с марксизмом, в то время было еще немного. В Экскурсе 4 обсуждены дальнейшие судьбы “марксистской лингвистики” и показано постепенное отрицание этой проблематики к 1970-м годам (при этом “могильщиком” идеи об особенном марксистском языкознании фактически стал не кто иной, как Сталин). От себя отметим, что параллели между экономикой и языком (выдвигавшиеся рядом исследователей, испытывавших влияние марксизма, такими, как Л. Блумфилд или Ф. Росси-Ланди, с. 223, 229) – отнюдь не вчерашний день науки; к ним активно прибегает, в частности, выдающийся

¹ Вопросу о японских формах вежливости, кратко затрагиваемому в статье “Слово в жизни и слово в поэзии”, посвящен особый Экскурс 3 (с. 119–124); В.М. Алпатов – видный японист, специально занимавшийся, в частности, как раз этой проблемой. Оказывается, что реальный материал японского языка (Бахтину и Волошинову неизвестный) соответствует теории, сформулированной в данной статье, в еще большей степени, чем предполагали авторы.

современный типолог и теоретик постструктурализма Э. Даль (его книга “Возникновение и сохранение языковой сложности”, вышедшая в 2004 г., недавно рецензировалась в “ВЯ” Т.А. Майсаком – ВЯ. 2006. № 3).

Вообще обсуждение взаимоотношений, с одной стороны, авторитетных лингвистических школ, а с другой, течений (авторов), не получивших мирового признания, но интересных теоретически, с привлечением (там, где это необходимо) не всегда модного сейчас философского подтекста является характерной чертой данного исследователя. Фраза “Именно японский лингвист советовал Н. Хомскому читать Гегеля и Маркса” (с. 229) как в капле воды передает внимание В.М. Алпатова именно к такому пересечению проблематик: по ней одной можно однозначно угадать автора (во всяком случае, если ограничить поиск отечественными лингвистами).

Пятая глава, озаглавленная “После МФЯ”, рассматривает отклики на МФЯ в советской печати (от непонимающих до откровенно “проработочных”) и последние публикации Волошинова, вскоре, после ссылки Бахтина в Кустанай, замолчавшего (а в 1936 г. он умер). Работы Бахтина и его единомышленников не были запрещены: они оказались не ко времени, и их просто забыли, и забыли надолго, до 1970-х годов. Зато многие лингвисты в разных странах, не всегда знакомые с МФЯ (а зачастую и с работами друг друга), в это время параллельно разрабатывали схожую проблематику и приходили к сопоставимым выводам: это К. Бюлер, сэр А. Гардинер, В.И. Абаев и М. Токиэда; сопоставление их концепций с МФЯ также входит в пятую главу.

В шестой главе речь идет о проблемах лингвистики в работах Бахтина, написанных после МФЯ. Это “Слово в романе”, где ставится проблематика диглоссии и сосуществования разных языковых регистров, интересная педагогическая статья о стилистике в школьном преподавании, а также “Проблема речевых жанров” – наиболее часто цитируемая в отечественной лингвистике конца XX в. работа Бахтина (а в Саратове вокруг бахтинской концепции речевых жанров создалась даже целая школа). В поздних работах Бахтина по-прежнему в центре внимания находится стиль (а концепция “речевых жанров” становится пионерской в этой области), но нет уже столь яростной полемики с Соссюром, как в МФЯ, в частности, принятия его концепция языка (langue) как реально существующей системы. Некоторые идеи круга Бахтина теперь “переводятся” его главой на “соссюровский язык”. Далее Алпатов анализирует фрагмент знаменитой книги Бахтина о Достоевском, посвя-

щенный так называемой “металингвистике”. Кроме того, в шестой главе рассматривается ряд черновых текстов 1950–1960-х годов, из которых особый интерес представляют тезисы “Язык и речь”, впервые опубликованные при участии самого Алпатова в 2001 году. Здесь предложен оригинальный подход к важнейшей для лингвистики XX века проблеме, который рамки рецензии не позволяют обсудить сколько-либо подробно; тем не менее высокая значимость этого неотделанного наброска в контексте не только российской, но и мировой лингвистики несомненна.

В связи с вопросом об эволюции взглядов Бахтина важно обратить внимание на следующий принципиальный пункт работы Алпатова. В представлении очень многих бахтиноведов ученый “предстает человеком, чуть ли не изначально (то ли с Невеля, то ли даже с Петрограда) владевшим истиной” (с. 291). Свидетельства, говорящие о том, что взгляды Бахтина менялись, могут быть легко отвергнуты этими авторами, и повод им дают классические работы самого Бахтина: «профессиональные бахтинисты, как показывает опыт, могут все, что угодно, обосновать как “карнавальное” или “масочное” действие» (с. 90). Нет сомнения, что Бахтин, особенно в поздние годы, нередко мистифицировал собеседников и говорил им то, что они желали слышать. Но как ученый, считает Алпатов, Бахтин был честен и не скрывал от профанов якобы ведомую ему истину. “Бахтин был не пророком, а ученым, он не был озарен светом истины, а искал ее... пытался ее сформулировать, где-то приближался к ней, где-то отступал, не сумев найти нужный подход. Сохраняя некоторое ядро, он от чего-то отказывался, что-то формулировал заново. Так, собственно говоря, и ведут себя серьезные ученые” (с. 294).

В то же время хотелось бы отметить, что, рассматривая Бахтина (по крайней мере, Бахтина-лингвиста) прежде всего как ученого, ищущего истину – представителя “нормальной науки” – Алпатов отнюдь не ограничивается отстраненным постижением бахтинской (в широком смысле) научной концепции со стороны, каталогизацией ее сходств и расхождений с другими научными текстами (хотя и это в работе, конечно же, есть). Пользуясь терминологией волошиновского цикла (но не полностью следуя его словоупотреблению), можно сказать, что подходу Алпатова свойствен не только “абстрактный объективизм”, но и столь дорогой кругу Бахтина “индивидуалистический субъективизм”. Исследователь – не очень часто, но вполне регулярно – пытается решить обсуждаемые проблемы, взглянув на них как бы глазами своих героев (включая сюда, ко-

нечно, и мотив диалога авторов и совместной разработки идей). Очень в этом смысле показателен Экскурс 1, сопоставляющий – в русле идущей от Плутарха традиции – личности Бахтина и В.В. Виноградова, постоянным оппонентом которого был Бахтин (с. 61 и сл.). Эта тема присутствует и в других разделах книги: особенности личности Бахтина оказываются ключом ко многим вопросам наследия его круга – от проблемы авторства “спорных текстов” до ряда положений его концепции. Многое в обсуждаемых работах зависит от истории их создания, от обстоятельств, в которых находились авторы, от общего интеллектуального климата (не только в лингвистических кругах) – все это изучено и показано в ряде ярких и запоминающихся подробностей, скажем, часто повторяемый автором пример со словом *играло* как “буржуазной”, с точки зрения молодого П.С. Кузнецова, лексической единицей (с. 32) или фигура упоминавшегося в МФЯ Презента, универсального марксистского методолога, неудачно пытавшегося предложить свои услуги марристам в качестве “языковеда”, а затем нашедшего себя у Лысенко уже как “биолога” (с. 59–60).

Алпатов прекрасно чувствует психологию научной работы – или, вернее, того, как появляются научные тексты; так, он вполне обоснованно предполагает (с. 57), что упоминания Марра в МФЯ укладываются в схему введения в текст “авторитетного, но чужого имени” и, скорее всего, связаны с тем, что в конце 1920-х годов ленинградским лингвистам уже нельзя было не считаться с Марром (там же). К очень ярким и психологически убедительным страницам книги (с. 110 и сл.) относится сравнение бахтинской школы с рядом других известных коллективов в лингвистике, где один из авторов (по душевному складу не склонный к рутинной письменной работе, к оформлению законченных текстов) играет роль “генератора идей” (в Женевской школе таким был Соссюр, в Московской фонологической школе – В.Н. Сидоров), а другой или другие – роль составителей текстов, вдохновленных его идеями. От себя приведем еще один пример аналогичного коллективного труда в совсем иной научной области – знаменитый “Курс теоретической физики” Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица, где первому соавтору, по известному выражению, принадлежат идеи, а второму – текст. Причем это не значит, что составители текстов не могут самостоятельно порождать какие-то идеи, а идейный вдохновитель школы не может дословно формулировать какие-то положения (возможно, значительные по объему), так что роль авторов здесь разграничить очень сложно, если возможно вообще. По

мысли Алпатова, Волошинов и литературовед П.Н. Медведев, с произведениями которого связана очень схожая проблема, не были просто “подставными лицами”, под маской которых скрывался Бахтин, а оформляли его идеи (скорее всего, вместе с рядом собственных) в законченный текст. Автор не настаивает на своих гипотезах (доказательству они не подлежат), а проблему авторства текстов вообще не считает значительной, – она, как мы уже сказали, вынесена в Экскурс – но эти предположения кажутся очень убедительными.

Как давно и хорошо известно, в деле сравнительного изучения текстов – не только научных, но и художественных, – важно не только отмечать сходства, но и отделять независимые переклички от прямых влияний, то есть представлять себе, что знал, а чего не мог знать создатель текста; такая информация имеет и самостоятельное значение. Эта задача также решена блестяще. Например, реконструирована история знакомства круга Бахтина с лингвистической литературой, которое начинается с публикаций Фосслера в философском журнале времен Серебряного века “Логос” и в дальнейшем (до появления первого варианта книги включительно) всегда идет “от философии”, причем философии немецкой. Опосредованным было знакомство кружка, как показывает Алпатов, с работами В. Гумбольдта (с. 27), а ситуацию в отечественном языкознании начала XX века они представляли себе достаточно плохо, вплоть до того, что ленинградцы Волошинов и Бахтин поначалу считали москвичку Р.О. Шор мужчиной, а Бахтин в конце жизни не знал, в какие годы работал Ф.Ф. Фортунатов, и полагал, что может встретить его живых учеников (с. 39–40). И в дальнейшем, говоря, например, о статьях ссыльного Бахтина 1930–1950-х годов, Алпатов четко отграничивает совпадение ряда идей с развивавшимися независимо идеями европейской науки от реально появившихся на Бахтина советских работ (иногда уже забытых), которые дошли к нему в Кустанай или Саранск. Возможно, такой подход и стал уже неотъемлемой чертой историографии гуманитарного знания, но именно в работах о философских произведениях (в том числе в бахтинистике) подобная строгость, к сожалению, не всегда соблюдается и особо ценна в данном случае.

В седьмой, заключительной главе книги, рассматривается влияние идей МФЯ и переклички с ней в современной лингвистике. В критике структурализма и позитивизма, а также в ряде конкретных вопросов точки схождения с МФЯ имеет теория Хомского. Как нам представляется, плодотворнее всего идеи Бахтина и Волошинова применяются в области

теории речевых актов и прагматики (в отечественной науке это, прежде всего, работы Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой). Согласно Алпатову, важно влияние работ бахтинского круга также в некоторых школах западной социолингвистики. Особо разбирается работа Б.М. Гаспарова “Язык, память, образ” (не привлекающая большого внимания лингвистов, но небезытересная теоретически), автор которой считает себя последователем теории МФЯ. Наиболее продуктивными в историческом плане оказываются идеи, связанные “с анализом конкретного языкового материала” (с. 394); а при попытке рецепции бахтинской теории во всей полноте (как у Гаспарова) начинаются проблемы с изучением языковых фактов. Поэтому нам кажется, что в цитируемом Алпатовым как явно “позитивистское” высказывании Б. Дельбрюка, согласно которому хорошее описание совместимо с любой теорией (с. 31), есть немалая доля истины (в данном случае – если включать в описание его конкретную методику).

Работы столь высоко квалифицированного и эрудированного в самых различных областях (не только в лингвистике) автора, как В.М. Алпатов, как правило, свободны от фактических неточностей, и рецензируемая книга не исключение. К нечетким формулировкам можно отнести разве что утверждение, что Е.В. Падучева “вводит” (с. 394) термин “свободный косвенный дискурс” (СКД); это справедливо только в смысле “определяет объем понятия, используемого в ее работе”, ведь это выражение (как указывает и сама Падучева в “Семантических исследованиях” – М., 1996: 335) является точной калькой французского *discours indirect libre*, термина практические общепринятого, который появился как раз в период моды на данную проблематику в европейской лингвистике начала XX в., сказавшейся – через школу Фосслера и Шпитцера – и на МФЯ (А. Фрей приписывал этот термин в 1928 году знаменитому Ш. Балли и малоизвестной г-же Липс, те же имена называет и Падучева).

Два других наших замечания относятся даже не к содержательной части работы, а к ее справочному аппарату, так что, вообще говоря, неясно, в какой мере ответственность за них несет именно автор, а не редакция. Первое из них, к тому же, субъективно. Система ссылок “автор-дата”, теперь практически общепринятая в лингвистической библиографии, отсылает к дате публикации цитируемого издания (а не написания текста). В работах, посвященных конкретным языковым явлениям, разрозненные ссылки на публикации текстов Аристотеля, Потебни или Трубецкого в 1960-е годы смотрятся, в общем, на месте. Но в книге,

посвященной истории и историографии лингвистики, это иногда затрудняет восприятие. Например, на страницах 25–27 мы видим ссылки вида “Гумбольдт 1984”, “Бодуэн 1963”, “Якубинский 1986” – и это в одном ряду с датами публикаций, более или менее соответствующими дате написания (“Фосслер 1928”, “Гаспаров 1996” или тем более “Васильев 2000а”). А ведь здесь идет речь об эволюции концепций и о переключках идей МФЯ с современными этой книге работами (Фосслера и Якубинского). Конечно, перед нами не учебник, квалифицированный читатель книги Алпатова знает, когда жили Гумбольдт и Бодуэн (кроме того, сведения о годах жизни цитируемых и упоминаемых авторов можно почерпнуть из алфавитного указателя, о котором ниже), а для современных друг другу работ (и тем более работ одного и того же автора разных периодов) автор очень часто указывает и дату их написания, так что никакой “потери информации” здесь не происходит. И все же дата создания, указанная через дробь непосредственно в ссылке (например, “Бодуэн 1871/1963”), на наш взгляд, выглядела бы зрительно удобнее для восприятия.

Алфавитный указатель имен – ценная часть любой работы, и это особенно относится к данной книге, где упоминаемых имен очень много, а, кроме того, в указателе даны даты жизни и полные имена большого количества лингвистов и нелингвистов, в том числе малоизвестных. Некоторые даты по разным причинам сложно установить, и они отсутствуют. В ряде случаев их все же можно дополнить, так, основатель французского финно-угроведения Орельен Соважо “(1897–?)”, памятник многим по филиппикам Н.С. Трубецкого (“Посмотрите, напр., на Соважо! Он серьезно думает, что в русском языке нет грамматического рода, и пишет об этом как о всем известной истине...”, письмо Якобсону от 21 февраля 1935) скончался 5 декабря 1988 г.; странным кажется, что у Сергея Александровича Крылова, составителя алфавитных указателей к некоторым предыдущим книгам Алпатова, не только не указана дата рождения, но даже не раскрыты инициалы; ни отчества, ни года рождения нет у Бориса Михайловича Гаспарова (р. 1940), последователя теории МФЯ, чья концепция отдельно и подробно анализируется в книге. Все это очевидным образом очень мелкие недочеты (к тому же, повторимся, от автора они могут и не зависеть), не влияющие никак на ценность исключительной по обстоятельности, диапазону рассматриваемой проблематики и важности выводов книги.

Д. В. Сичинава